

Их жизнь - дорога меж кострами...

■ 31 мая - День памяти жертв политических репрессий

Екатерина КУЗНЕЦОВА,
почетный журналист РК

Этот день отмечают в Казахстане и Караганде с особым чувством - эта земля стала для миллионов советских граждан разных национальностей местом особым и особенным.

Земля эта обильно полита слезами и кровью. Голодомор начала тридцатых, высылка из центральных областей РСФСР раскулаченных крестьян, казаков, депортация из западных областей СССР поляков, с Дальнего Востока - корейцев, с началом Великой Отечественной войны - советских немцев из АССР НП, с Кавказа, из крупных городов Центральной России, в 1944-м - чеченцев, ингушей, карачаевцев, калмыков, кабардинцев, лезгин, греков...

Сколько горя пережито, сколько слез пролито на этой земле, сколько безымянных могил выросло в бескрайней казахской степи! Сколько построено руками невольников городов, заводов, шахт, школ, сколько детей и внуков вырастили те, кому посчастливилось пережить ту боль и выжить! И скольким несчастным протянул руку в те скорбные дни щедрый на тепло и сострадание казахский народ, сколько жизней спас от гибели!

Сколько благодарных потомков, выживших и переживших, а также и тех, кто ушел в те лютые годы навсегда, приезжает сегодня на эту добрую землю, чтобы почтить память ушедших и вспомнить. И рассказать. Рассказать правду о том, что было. Не дать той правде умереть. И воздать дань благодарности детям и внукам тех, кто помог выстоять и выжить.

Два десятилетия новый свободный Казахстан прокладывает свой путь во всемирной истории, безоблачное мирное небо над нами, а боль тех далеких скорбных лет до сих пор не стихает, будоражит память. В этом году в поселке Долинка, что в 40 км от Караганды, поселке, который долгие 30 лет был "столицей" огромной лагерной империи - Карлага ОГПУ-НКВД-МВД, в здании бывшего главного управления лагеря открывает свои двери Музей памяти жертв политических репрессий. И, может быть, будет не лишним сегодня дать услышать новому поколению, молодежи, голоса тех, кто ушел навсегда, пережив кошмар сталинского террора и политических репрессий. Дать молодым услышать правду из первых уст.

1. СЛОМАННАЯ ЖИЗНЬ

Шахова Татьяна Васильевна, 1909 года рождения. Приговорена 10.07.1938 г. ОСО НКВД СССР как ЧСИР к 5 годам ИТЛ. Прибыла в Акмолинское отделение Индустриальная Караганда.

ние Карлага 07.09.1938 г. из Бутырской тюрьмы г. Москвы:

- В нашей семье в 1938 году в Москве были арестованы четверо: муж, его сестра со своим мужем и я. Сестра мужа в лагере умерла. Мужчин, наверное, расстреляли. Муж у меня был художником, и когда за ним пришли, он писал портрет Ежова. Они улыбнулись, взяли портрет, свернули и унесли с собой.

На этом все для нашей семьи и кончилось...

Я сидела в Бутырской тюрьме до августа 1938 года. Следователи были грубые. В камере духота, дышать нечем. Питание плохое. Но все это мы пережили. А дальше - этап.

Когда нас выводили, надзиратели с усмешкой говорили: мол, зачем с собой тащите эти "гробы" (то есть чемоданы), их все равно урки отберут. В машине было так тесно, душно, что некоторые теряли сознание. Мы стали стучать, требуя остановить машину...

Погрузили в вагоны. Дали на обед селедку. А воды нет. Потом конвой принес воды из болота. Охранники были изверги, все говорили: "Не видать вам больше никогда своих мужей!". Привезли в Акмолинск. Отправили в Акмолинское отделение Карлага, на 26-ю "точку", потом уж мы узнали, что это Акмолинский лагерь жен изменников родины, так называемый АЛЖИР. Объяснили - год без всяких посылок. Питание было плохое, и для тех, кто был занят на физическом труде, его не хватало.

Работали женщины на совесть. Везде, куда бы ни послали. Многие умирали, в первую очередь те, кто приехал уже с болезнями. Болели туберкулезом, женщины с большими почками, сердечницы.

Сколько было слез, кто бы знал! Ведь у всех остались дома дети! Нас вырвали из семей, оторвали от детей - за что? Только за то, что мы были женами своих ни в чем не повинных мужей, которых забрали, объявили врагами народа и расстреляли.

Детей отобрали, засунули в детские дома, внушали им ненависть к родителям - "врагам народа". Детей мучили тоже. А после лагеря, отбыв срок, не знали, что делать, куда ехать, где искать детей.

Тех, кто пережил аресты 1937-1938 годов, осталось очень мало - почти все уже умерли. Вспоминаю, что с нами сделали. И плачу.

2. ВОСЕМЬ ЛЕТ - КАК ОДИН ДЕНЬ

Стебнева Мария Михайловна, 1901 года рождения. Приговорена 20.05.1938 г. ОСО НКВД СССР как ЧСИР к 8 годам ИТЛ. Прибыла в Акмолинское лагерное отделение 08.08.1938 г. из Новинской тюрьмы г. Москвы:

- В 1938 году в мае из Москвы, где я жила после Орехово-Зуева с 1925-го по 1938 год, не считая го-

дов учебы (1919-1924 гг.) в Тимирязевской академии, я из Новинской женской тюрьмы (Новинский бульвар) по этапу была отправлена в Акмолинскую область.

Целый эшелон-товарняк таких же, как я, арестованных женщин везли в неизвестность. Остановились в нескончаемой степи и с конвоем пошли до пересыльного пункта пешком. С пересыльного пункта мы, "жены", пошли в лагерь под конвоем. Лагерь назывался Спасск. Поместили нас там не в бараках, а в каких-то домиках. Говорили, что будто бы это "бывшие немецкие концессии", которые здесь были еще до Первой мировой войны. Так ли это на самом деле, не знаю.

Спали мы на голом полу. Я клала под голову свои туфли, как это делала в тюрьме. Не раздевалась. Укрывалась летним пальто. Иногда нас пускали за колючую проволоку работать, и мы видели развалины из кирпича, меди и железа. Кто-то говорил, что будто это концессионеры, уходя отсюда, взорвали медеплавильный завод. Кто говорил, не помню, скорее всего конвоиры, потому что, кроме них, других людей мы не видели. Из этих развалин мы вылакивали какие-то остатки изношенных бушлатов, ватных брюк. Эти лохмотья мыли и приносили к себе в помещения, чтобы на них спать ночью. В Спасске мы пробыли недолго. Это была какая-то промежуточная "точка".

Кормили нас два раза в день. Утром - жидкая каша, вечером - покруче. Не наедалась. Воду возили на себе, впрягаясь в оглобли. Через некоторое время из Спасска повели нас пешком в другой лагерь. Мы, "жены", как нас звали охрана, шли по степи длинной серой колонной.

Опять степь. Колючая проволока. Вышки. И много барачков из самана, которые были построены кем-то до нас и теперь уже нами продолжали строиться. Месили глину с соломой на быках и делали кирпичи-саманы. В бараках нары в два этажа по двум сторонам вдоль стен и по середине так же. Воздуха мало. И здесь были только "жены". Переписки опять никакой.

Чтобы работать, надо было быть хорошо одетым, а одежду в этом лагере не давали. Мы же все были в том, в чем забрали нас из дома.

Постепенно стали вызывать и куда-то отправлять. Говорили - в другие лагеря. Подошла и моя очередь. Зима, отправляют на машинах. Дали мне бушлат, обувь, шапку и посадили в грузовик. Накрыли всех брезентом. Повезли ночью. Привезли на пересыльный пункт, опять за проволоку. Самое страшное в лагере - это пересыльный пункт и этап. Почти не кормят. Пайка хлеба и кипятка. Холодно. Зима-то сибирская.

Одежду, которую дали мне, теперь отобрали - оказывается, ее дали, только чтобы довезти меня до пересылки. Опять у меня только летнее пальто и туфли. Стало страшно - заболела и тогда конец. Спишут и все...

Куда-то отправляют по несколько человек, но не говорят куда. Меня опять взяли в этап, и я поехала в открытой машине.

Привезли в лагерь. И в этом лагере я была спасена: мне дали бушлат, ватные брюки, ватную шапку, бахилы (ватные валенки) старые, много раз чиненные. И здесь опять были одни "жены". Получившие "за мужей" сроки в 3, 5, 8 лет. Восемь, как мы шутили, получили "самые любимые". Здесь я встретила многих знакомых еще по Вологодскому институту и многих знакомых из Москвы.

Работали мы весь световой день, от зари до зари. Ночами из барачков не выпускали. Мужчин в лагере не было, только конвой. Всю работу делали только женщины. В этом лагере был маленький домик, где находились психически больные, не выдержавшие ареста женщины. Были и дети 3-4 лет.

Есть хотелось всегда. Давали пайку хлеба (пшеничного), не заметишь, как съешь. Делишь-делишь, считаешь, а он лежит под соломенной подушкой, и так хочется его пощипать. В столовой два раза в день - утром и вечером - баланда.

Летом из этого большого лагеря нас повели пешком под конвоем по степи в другой лагерь. Далеко-далеко. Вещи везли на телеге. А мы - пешком.

Привели в новый лагерь. Здесь разрешили переписку, и я получила первое письмо из дома, из Москвы. И узнала, что после моего ареста маму и дочь "вежливо" попросили покинуть квартиру.

Не считая короткого пребывания в Акмолинской области, я, в общем, отбывала срок в Карагандинской области, переходя из лагеря в лагерь: Джумабек, Сатан, Талды-Кудук, Караган (отделения Карлага - Авт.).

Первая моя "общая точка" - общий лагерь после изоляции - Джумабек. По утрам нас строили около барачков, мы получали наряд на работу, нам давали инвентарь и - вперед. Рубили караганник. Мы не отказывались ни от какой работы. Работали даже ассенизаторами на бочках. И тогда пели наперекор судьбе: "Под душистой веткой сирени..."

В течение восьми лет я работала то на общих работах, то в сепараторном пункте, то приемщицей молока, то на плотине. Перебрасывали из одного лагеря (отделения) в другой. Караган стал для меня последней "точкой", отсюда я освободилась через Карабас. Меня активировали по зрению до окончания срока, и я стала первой ласточкой, которая вышла из Карагана на волю.

(Окончание следует)

Екатерина КУЗНЕЦОВА,
почетный журналист РК

(Окончание.)

Начало в номере от 21.05.)

3. ДЕСЯТЬ ЛЕТ НЕНАВИСТИ

Петрова Мария, 1909 года рождения. Арестована в г. Москве. Приговорена ОСО НКВД СССР к 10 годам ИТЛ. Отбывала срок в Карлаге ОГПУ-НКВД-МВД:

- Я была осуждена на 10 лет ИТЛ в 1942 году по ст. 58-1а ("Измена родине") и отбывала срок в Карлаге, в отделении Коксун, недалеко от Долинки. Судили просто за не вовремя сказанное слово: "Что ты, бабка, болтаешь, как радио?" - десять лет. Некоторых - за колоски, подобранные с поля после уборки хлеба. Тоже давали десятку.

После освобождения очень многие оставались в Карагандинской области, потому что им некуда было возвращаться. Я освободилась в 1952 году, 6-го марта. Приехала в Долинку. Там было две зоны с колючей проволокой, одна в районе "Шахтопроходки", другая - сзади 3-го магазина (это для тех, кто позабыл)...

...В лагере наша одежда не отличалась от одежды мужчин - ватные брюки и телогрейки, ушанки из белой бязи зимой. Такой вот наряд. Обед из мерзлой капусты, каша из черной крупы "карие глазки".

За десять лет заключения я прошла школу ненависти - конвой ненавидел нас, чекисты ненавидели - все мы для них были "врагами народа". Мы же, пройдя ужас и унижение лагеря, научились ненавидеть ту жизнь, которая почему-то все время называлась счастливой.

4. В ДЕТДОМЕ НАС ВСТРЕТИЛ "ПАПАША"

Яшина Наталья Леонидовна, г. Саратов:

- Я и мой брат, Леонид Леонидович Петров, после ареста родителей оказались в детском доме для детей "врагов народа". После ареста отца, первого секретаря райкома партии в г. Красноуфимске, мама с нами, малолетними детьми, оказалась у своей сестры в Казахстане, на курорте Боровое. Мама, тоже партийный работник, отсюда, из Борового, написала письмо наркомму Ежову о том, что отец наш честный коммунист и попросила Ежова "разобраться в несправедливом аресте".

"Ответ" не заставил себя ждать: ночной обыск - и мать увезли, а утром нас с братом усадили на телегу и отвезли в детский дом. Мы плакали от страха, нас

ИХ ЖИЗНЬ - ДОРОГА МЕЖ КОСТРАМИ...

никто не утешал. В детском доме встретил нас "папаша" - толстенький, небольшого роста, до сих пор помню его лицо.

Мать просидела семь месяцев, и ее отпустили, а она тут же забрала нас из детдома. На меня невозможно было смотреть - цинга, трахома, чесотка, полное истощение организма. Нас долго лечили, трахомой от нас заразилась вся семья. Помню, как мы лежали в больнице в Караганде, втроем на одной койке...

5. ЦВЕТУЩИЙ ОАЗИС, СОЗДАННЫЙ РАБАМИ

Левин Георгий Иванович, отбывал срок в Карлаге ОГПУ-НКВД-МВД. Арестован был в г. Москве. После освобождения жил в Караганде, работал в проектно-институте "Карагандагипрошахт".

Долинка была цветущим оазисом в степи-полупустыне. Но кем и для кого был создан этот оазис? Тополиные рощи и аллеи посажены и выращены благодаря гигантской оросительной системе, множеству магистральных и разводящих оросительных каналов, которые питались обширнейшим Джартаасским водохранилищем с высокой искусственной плотиной. Все это проектировали, построили и обслуживали сотни и тысячи заключенных. Строительство этого гидротехнического комплекса велось в тяжелейших условиях, и можно сказать, что стоит он на костях невольников.

Заключенные по ст.58 УК РСФСР на вольном поселении в Долинке никогда не жили. В управлении лагеря работали специалисты, отбывшие свой срок и оставшиеся на работе и на жительстве в поселке.

Мог бы привести десятки таких фамилий. Профессор Василий Васильевич Подзолов, замечательный хирург, имел, как и некоторые другие специалисты, лишь пропуск для дневного выхода (а для врачей - и на время ночного дежурства) из зоны 19-го ДКО (Долинского комендантского отделения. - **Авт.**), где жил в бараке в зоне со всеми заключенными. Такие лица назывались "расконвоированными". Они выходили в больничных городок, и в управление, и на электростанцию поселка.

Вся южная часть Долинки, три параллельные ее улицы, были перерезаны двойным рядом колючей проволоки.

Это и была зона 19-ДКО. В ней находились и автобаза, и промкомбинат, и учебный комбинат, и другие производства и учреждения. А на выезде из поселка, на дороге Шахтинск - Караганда, была еще одна большая жилая зона - 2-ДКО. На западе поселка, за рекой Чурубай-Нура, была еще и третья зона - жилая и производственная - РМЗ (ремонтно-механический завод. - **Авт.**). Не огражденная колючей проволокой территория, где жило лагерное начальство, была в Долинке совсем небольшой.

Что касается мест пыток, расправы и расстрелов, могу сказать, что почти напротив главного управления лагеря, рядом с бывшей поселковой столовой, был за саманной стеной и натянутой поверх нее колючей проволокой "квартал ОЧО" (оперативно-чекистского отдела. - **Авт.**).

Здесь были маленькая своя тюрьма и длинное, барачного типа, здание, где находились следователи и другие работники отдела. Сюда и привозили со всех отделений Карлага заключенных, которым давали дополнительные лагерные сроки, чинили над ними "закрытый суд". Я знаю много случаев, когда новым сроком была и "вышка", то есть расстрел. Где уж он приводился в исполнение, не знаю, может быть, и в этом таинственном квартале поселка.

Клуб в Долинке был не для заключенных, а опять же для "верхушки" управления лагеря, для чего и содержались в 19-ДКО артисты из числа заключенных "врагов народа". Это была знаменитая лагерная культбригада. На спектакли и концерты, которые устраивали этими артистическими силами, заключенных артистов приводили в 19-ДКО под усиленным конвоем.

Во время выступлений на сцене этого клуба, где пела русские народные песни очаровательная Антонина Иванова, а цыганские романсы под аккомпанемент созданного ею же цыганского ансамбля пела Нина Вадимовна Перишкольник (позже Чижевская), между кулисами сцены стояли ВОХРовцы с винтовками.

Все эти спектакли под винтовкой у меня всегда ассоциировались с произведением А.И. Герцена "Сорока-воровка", где рассказано о крепостных артистах. И хотя крепостные были тоже бесправными артистами, но все же тогда на сцене они выступали не под дулами винтовок.